

ДЕПОРТАЦИЯ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Л.Н. Дьяченко

Рассматриваются проблемы насильственной депортации народов Северного Кавказа. На основе архивных документов, которые хронологически относятся к 1943-1944 гг., проводится исследование причин, хода и последствий массовых репрессий, которые являлись элементом комплекса принудительно-репрессивных мер советского руководства.

Ключевые слова: депортированные народы, спецпереселенцы, спецконтингент, антисоветские элементы.

Изучение процессов депортации народов, имевших место в Советском Союзе в один из трудных и сложных периодов ее истории – в годы Великой Отечественной войны, долгие годы было недоступным, так как до начала 90-х годов XX в. документы по этой теме хранились в «Особой папке» И.В. Сталина под грифами: «совершенно секретно», «разглашению не подлежит».

В 1990-е годы вышли в свет сборники, а также подборки некоторых документов, позволяющие пополнить наши знания по данной теме [1, 2, 3, 4]. Имеется ряд публикаций, в которых эта проблема рассматривается в обобщающем виде [5, 6, 7, 8, 9, 10, 11].

Накануне Великой Отечественной войны в СССР складывалась сложная ситуация. Фактически государство погружалось в открытое бифуркационное состояние, при котором общество могло разделиться в отношении к функционировавшему режиму власти. Именно так и случилось. Одна его часть поддерживала существующий строй, другая же представляла альтернативную силу. Безусловно, в этой обстановке власть делала все, чтобы не пошатнулись ее позиции, не были подорваны каким бы то ни было образом ее устои. Ужесточались меры, применяемые к отдельным народам и группам населения, выступавшим в открытой или скрытой форме против режима. И это обосновывалось сложившейся обстановкой и непосредственно уже самой войной, а также персонифицированным во многих случаях характером государственной национальной политики.

Среди мер «наказания» непослушных, неблагонадежных широко использовалась и депортация. Как правило, все акции по переселению того или иного народа, групп населения имели определенную юридическую базу: постановления ГКО, Президиума Верховного Совета Союза ССР, решение ЦК партии, указы Совнаркома или другой государственной структуры, что и придавало им якобы законный характер. Правда, некоторые из этих правовых актов появлялись уже после выдворения людей с территорий проживания.

Проводимые депортации «объяснялись» целым комплексом причин: «неблагонадежность», превентивность мер, конфессиональный фактор, выступление против преобразовательных мер, участие в бандформированиях,

принадлежность к институтам отжившего строя (Прибалтика, западные районы Украины и Белоруссии, Молдавия и т. д.).

Немецкое командование преследовало цель расширить и укрепить свое влияние на Северном Кавказе, прибегая при этом к использованию таких приемов, как подкуп, интрига, заигрывание с мусульманским духовенством, авторитетными среди населения людьми, с целью вовлечения их в борьбу с советской властью. Установка гитлеровского командования исходила из разработанного военной разведкой адмирала Ф.В. Канариса в январе 1942 г. плана «Шамиль», согласно которому Грозный, Майкоп и другие нефтеносные районы предусматривалось захватить посредством высадки десантов. Забрасываемые шпионы и диверсанты должны были опираться на антисоветские элементы. «На Кавказе, как нигде в другом месте России, – говорилось в одном из германских документов, – адаты и мусульманские законы шариата еще крепко держат в руках большую часть горского населения. Горцы по натуре очень доверчивые. С ними работать легче, чем с другими национальностями... Нам надо хорошо вооружить местных бандитов, передать им важные объекты до прихода германских войск, которые они сохранят для нас. Когда Грозный, Малгобек и другие районы будут в наших руках, мы сможем захватить Баку и установить на Кавказе оккупационный режим, ввести в горы необходимые гарнизоны, и когда в горах наступит спокойствие, всех горцев уничтожить» [12].

В 1943 г. напряженной оставалась обстановка в Ставропольском крае и Карачаевской автономной области. Принимались меры по разложению изнутри имевшихся террористических групп. В 1943 г. было легализовано 870 участников этих групп, 479 террористов-одиночек, 18 наемных пособников, 17 диверсантов, 3238 уклонявшихся от службы в Красной Армии.

15 апреля 1943 г. НКВД и Прокуратура СССР утвердили директиву, на основе которой в принудительном срочном порядке из пределов Карачаевской автономной области были выселены семьи главарей банд и активных бандитов. Всего было выдворено 110 семей (472 человека) [5, с. 61].

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 12 октября 1943 г. и Постановление СНК от 14 октября 1943 г. о выселении карачаевцев из Карачаевской автономной области в Казахскую и Киргизскую ССР вобрали все те положения, на основе которых проводились ранее подобные акции в отношении других народов. В юридических актах давалось и объяснение причин выселения, а именно: «в связи с тем, что в период оккупации многие карачаевцы вели себя предательски». После всех проверок и зачисток из Карачаевской автономной области были депортированы в принудительном порядке 69267 граждан карачаевской национальности.

Среди автономных образований северокавказского региона, откуда депортировались народы, в первой половине 1940-х годов наибольшим по численному составу населения была Чечено-Ингушская Автономная Республика. Здесь проживало 731,7 тыс. жителей, в том числе 387,8 тыс. чеченцев (52,8 %), 75 тыс. ингушей (12,0 %), 205,8 тыс. русских (27,8 %), 57 тыс. прочих (7,4 %) [13, л. 5]. Несмотря на богатые геологические нефтяные запасы, в 1920-е и начале 1930-х годов республика имела слабое экономическое развитие, прими-

тивную сельскохозяйственную базу, заметное засилье клерикализма, культурную отсталость. В начале 1940-х годов он усугублялись предвоенной обстановкой и войной.

Остро чувствовались последствия коллективизации, ощутимой оставалась социальная напряженность. На территории республики бесчинствовали 80 антисоветски настроенных группировок (400 человек). Свыше 1000 человек находились на нелегальном положении [Там же]. В результате принятых мер по ликвидации групп уже в 1939 г. их выступления в основном были пресечены, арестовано и осуждено 1032 непосредственного участника и их пособника, 746 беглых кулаков, изъято 5 пулеметов, 21 граната, 8175 винтовок, 3513 единиц прочего оружия, 6838 патронов [14, л. 35-36]. Однако ситуация в республике, как и в соседних с ней регионах, оставалась напряженной.

В 1941 г. положение вновь обострилось. На июль 1941 г. на территории республики было зарегистрировано 20 террористических группировок (84 человека), занимавшихся разбоями, грабежами, убийствами. Последовал приказ Берии о ликвидации террористических выступлений в Чечено-Ингушетии. В ходе его выполнения оставались 4 группы, борьба с ними продолжалась. Между тем местное руководство НКВД (С.И. Албогачиев) [15] не смогло стабилизировать ситуацию в республике. В августе 1942 г. здесь действовали уже 54 группировки (359 человек), 18 банд-одиночек, значились в розыске 2045 дезертиров [16, л. 244]. В партийных и советских органах власти наблюдалась растерянность. Не все из них сумели сориентироваться, принять верные решения, мобилизовать население на борьбу с бандитизмом. В Чечено-Ингушетии бросили свои посты и скрылись 80 человек, в том числе 16 партработников, 8 – из райисполкома, 14 председателей колхозов. Обстановка оставалась сложной, хотя и предпринимались усилия по ее улучшению.

В течение января - февраля 1943 г. Северный Кавказ почти полностью был очищен от немецких оккупантов. Вместо изоляции враждебных элементов и ликвидации оставшихся бандитских группировок началась усиленная разработка планов по депортации двух народов, насчитывающих к тому времени около 500 тыс. человек. В январе 1944 г. для их выселения были выделены 14200 вагонов [17, л. 91], автомобильный транспорт, прибывший по ленд-лизу из США через Иран в СССР. 20 января СНК республики и Чечено-Ингушский обком ВКП(б) приняли совместное решение «Об обеспечении подготовки тактических учений войсковых частей Северо-Кавказского военного округа в горных условиях» [18, л. 34], предусматривающих скрытую подготовку к выселению чеченцев и ингушей.

31 января вышло постановление Государственного Комитета Обороны о депортации чеченцев и ингушей в Казахскую и Киргизскую ССР. 21 февраля последовал приказ НКВД № 00193 о переселении чеченцев и ингушей, а 7 марта Указом Верховного Совета СССР была ликвидирована Чечено-Ингушская АССР. Операцию по их выполнению проводили Л.П. Берия и его заместители Б.З. Кобулов, И.А. Серов, С.С. Меркулов. Она началась 23 февраля. На следующий день Берия доложил Сталину: «Выселение проходит нормально... Из намеченных к изъятию в связи с операцией лиц арестовано 842 человека»

[19, лл. 164, 165]. На 25 февраля со своих родных мест были выдворены 352647 чеченцев и ингушей [Там же]. В конце февраля Берия доложил Сталину о том, что из Чечено-Ингушетии в Казахстан и Киргизию отправлены 478479 чеченцев и ингушей, в том числе чеченцы из Дагестана. Ингушей насчитывалось 91250 человек. «В переполненных до предела «телячьих вагонах», без света и воды, почти месяц следовали мы к неизвестному месту назначения..., – рассказывал заведующий отделом бывшего Северо-Осетинского обкома КПСС ингуш Х. Арапиев. - Пошел гулять тиф. Лечения никакого, шла война... Во время коротких стоянок, на глухих безлюдных разъездах возле поезда в черном от паровозной копоти снегу хоронили умерших (уход от вагона дальше, чем на пять метров, грозил смертью на месте)...» [20].

За время проведения операции было арестовано 2016 человек, изъято 20072 единицы огнестрельного оружия. По данным лидера выступавших на стороне захватчиков чеченцев Х. Исраилова (Терлоева), под его знаменами могли выступить пять территориальных округов с общим числом участников 24970 человек [21, л. 13].

Депортация на этом не завершилась. До конца 1945 г. ей подвергались чеченцы и ингуши, оставшиеся по различным причинам на территории республики; проживавшие в соседних областях и республиках, отбывавшие наказание в исправительных колониях и трудовых лагерях, расположенных на территории Европейской части РСФСР, мобилизованные из Красной Армии.

Чеченец В. Алиев (Чечен-аул Атагинского района Чечено-Ингушской АССР), находившийся на службе в Красной Армии с 25 декабря 1942 г. (призывался как секретарь Атагинского райкома ВЛКСМ по пропаганде и агитации), сообщал: «Без предъявления ордера на арест мне предложили сдать оружие, снять знаки различия ... 25 июля 1944 года военным трибуналом 3-го гвардейского Сталинградского мото-механического корпуса... я был осужден. Я отбыл свой срок, но у меня два сына. Я не хотел, чтобы позор, принятый мною на себя, хотя бы отраженно падал на моих сынов» [4, с. 244-246]. Таких заявлений в то время поступало множество. По данным отдела спецпоселений МВД, среди возвратившихся с фронта спецпереселенцев Северного Кавказа насчитывалось 710 офицеров, 1696 сержантов, 6488 рядовых [22, л. 98-99.].

Борьба не выявленных банд в горных районах бывшей Чечено-Ингушской республики становилась ожесточенной. Х. Исраилов на вопрос, что дало переселение, ответил: «Если количество политических и уголовных преступлений со стороны чечено-ингушских абреских (обредзских) [Так в документе – Прим. авт.] отрядов, совершенных в 1943 году, до выселения чеченцев, возросло на 100 %, то их же количество в марте 1944 года, в течение 9 месяцев, возросло более чем в 1,5 раза, т. е. на 160 %» [23, л. 240-241].

Для спецкомендатур, где пребывали чеченцы и ингуши, также были характерны строгий режим, тяжелые условия проживания. «Каждый месяц пятого числа, - вспоминал Герой Социалистического Труда, председатель Ассоциации деятелей эстрадного искусства СССР Махмуд Эсамбаев, – я должен был являться в комендатуру и расписываться в том, что я на месте, не сбежал. Такая процедура казалась мне унижительной...» [24].

Однако многие чеченцы и ингуши не соглашались с подобным бесправным положением. Горцы - народ свободолюбивый. Не случайно, что именно от них поступало в Центр, в частности, на имя Сталина, больше всего писем, в которых переселенцами выражалось недовольство своим положением. Житель с. Назрань С.Ш. Исмаилов сообщал: «Я написал письмо на имя Сталина о том, что история человеческого общества не знает такого бесчеловечного отношения к целой нации».

Наряду с этим чеченцы и ингуши пытались объяснить причины такого положения. Некоторые полагали, что народы переселили в Казахстан во избежание возможных осложнений в отношениях между Советским Союзом и Турцией. Были в ходу и другие предположения.

Среди переселенных народов Северного Кавказа оказались также балкарцы из Кабардино-Балкарской АССР. В августе 1942 г. пять районов республики заняли немецкие войска. 24 октября 1942 г. они оккупировали Нальчик.

В начале 1943 г. советские воины при активной поддержке партизан освободили Кабардино-Балкарскую АССР и в республике сразу же начались восстановительные работы.

В борьбе против оккупантов усмотрели «малый вклад» и даже «предательство» балкарского народа, а в дополнение к этому и «неспособность Балкарии защитить Эльбрус». Во всяком случае, так заявлял глава НКВД Берия. В январе 1944 г. состоялось первое предварительное обсуждение вопроса о возможности переселения балкарцев. Государственному Комитету Оборона было рекомендовано «высказать мнение по данному вопросу» [25, л. 89]. 25 февраля на встрече руководителей НКВД Берии, Серова и Кобулова с секретарем Кабардино-Балкарского обкома партии З.Д. Кумеховым было намечено в начале марта посетить Приэльбрусье (Баксанскую ГЭС, Тырнауз). Это посещение состоялось, где и было доведено до сведения Кумехова о выселении балкарцев из республики. Никакие его контрдоводы не помогли.

Если судить о политической обстановке в республике, то здесь, как и повсюду, были дезертиры – до 5500 на 25305 человек, призванных из Кабардино-Балкарии в армию. Имелись и «недовольные» преобразованиями, объединившиеся в «бандповстанческие группы». На май 1943 г. на ее территории действовали 44 такие группы (941 человек), в них оказались многие партийные и советские работники.

К середине мая 1943 г. на учете НКВД республики значились 32 дерзких вооруженных налета на колхозы, 7 – на предприятия, 8 – на колхозы с грабежами личного имущества, 7 – на советских и партийных работников [16, л. 153]. Предпринятые тогда меры позволили стабилизировать ситуацию, однако ликвидировать все группы не удавалось. В первом квартале 1944 г. на ее территории оставалось 10 повстанческих групп и 12 бандодиночек, правда, они, как и в Чечено-Ингушетии, Карачаевской автономной области, пополнялись забрасываемыми немцами группами диверсантов. Число групп заметно возросло в летний период. Этого оказалось достаточно, чтобы выселить весь балкарский народ. Было получено согласие Сталина. В постановлении ГКО от 5 марта

1944 г. уже было зафиксировано, что НКВД обязуется направить балкарцев в Казахстан (25 тыс.) и Киргизию (15 тыс.).

Начало операции приурочивалось к 8 марта 1944 г. Из значившегося на учете 781 повстанческого элемента было арестовано 440 человек [26, л. 38.]. Стариков, женщин, детей увозили в грузовиках и «телячьих вагонах» без запаса продовольствия, одежды, предметов первой необходимости.

11 марта 1944 г. Берия доложил Сталину, что «балкарцев выселено 37 103 человека». Эти акции привели в уныние весь балкарский народ, оторванный от своих очагов, родных мест. Многие недоумевали. Особенно тяжело переживали эти меры воины-балкарцы. Да это и понятно: они сражались за родину на фронтах, а их семьи в далеком тылу были подвергнуты переселению. «Я был в составе войск, прорывавших Ленинградскую блокаду, – пишет в своих воспоминаниях ветеран войны, кавалер орденов Красной Звезды, Отечественной войны I и II степени балкарец Магомед Узеирович Созаев, житель пос. Белая речка Кабардино-Балкарской республики. – Дважды получал ранения, лежал с контузией в военном госпитале. Оттуда написал несколько писем домой. Все они вернулись обратно с пометкой «адресат выбыл». Удивлению моему не было предела... в конце концов я оказался в Ошской области и там разыскал родных. Из близких мне людей в Средней Азии умерли: отец, дочь, сын, две сестры и их дети» [27].

Балкарцы были заняты в основном в сельском хозяйстве. Так, только в ведении Министерства сельского хозяйства и совхозов Казахской ССР числилось 11373 балкарца из 16503, остальные были заняты в других сферах [28, с. 74.].

Обстановка в самой республике продолжала оставаться напряженной. Обстоятельная оценка складывавшейся здесь ситуации была дана на заседании пленума Кабардинского обкома ВКП(б) 10 апреля 1944 г. В своем выступлении нарком земледелия области Хужоков заявил: «За период с 12 по 13 Пленум обкома партии у нас в республике произошли серьезные изменения. Я имею в виду выселение из нашей территории балкарцев. Некоторые товарищи недостаточно понимают и оценивают политическое значение этого вопроса, но факт выселения балкарцев из нашей республики в такой тяжелый момент для нашей родины, для нашей страны является огромным минусом для нашей партийной организации, для обкома партии и для всего народа, который населяет нашу республику... Мы несем полную ответственность перед ЦК партии за эту недоработку...» [Там же].

На этом же пленуме обкома ВКП(б) секретарь обкома Кумехов констатировал, что «бандитизм в республике не ликвидирован как в горных районах, так и в отдельных плоскостных районах республики. Необходимо максимально ограничить этот антисоветский элемент, прямо или косвенно поддерживаемый частью населения. В плоскостных районах осталось 4 небольшие бандгруппы... в Кубинском районе мы имеем около 20 бандитов, из них 12 чел. коренных жителей» [Там же].

Выселенные балкарцы распределялись в новых районах проживания следующим образом: в Казахской ССР – 4660 семей (16684 человека), в Кир-

гизской ССР – 15743 (9320 взрослых), в Узбекской ССР - 419 (250 взрослых). Таджикской ССР – 4 человека, Иркутской области – 20, в районах Крайнего Севера – 14 человек [17, л. 95-96.].

Всего в годы войны подверглись переселению народы и группы населения 61 национальности [29, л. 85]. Возможно, что условия военной (экстремальной) ситуации вызывали необходимость определенных предупредительных действий советского правительства в тылу и на подступах к линии фронта. Но никак нельзя оправдать примененные ко многим народам репрессивные насильственные меры. Ведь суровому наказанию подвергались не только виновные, но и народы в целом. Такие меры не могут быть признаны справедливыми, поэтому они получили решительное и заслуженное осуждение. Это одна из трагических малоизвестных страниц в истории советского государства, которую правительство хранило в глубокой тайне. В результате его ошибочной политики массового переселения народов и групп населения, принадлежавшего к различным национальностям, депортации подверглись отважно защищавшие Отчизну, смело сражавшиеся на многих фронтах войны.

Необходимо подчеркнуть, что депортация населения наносила ущерб стране, в первую очередь экономике районов прежнего обитания переселяемых народов, их культуре, традициям. Прерывались устоявшиеся экономические и культурные связи между народами-соседями, деформировалось национальное сознание масс. Был заметно подорван авторитет государственной власти.

Одним словом, были осуществлены грубейшие нарушения Основного Закона государства – Конституции СССР, попораны не только права народов, но и их государственность, поскольку ликвидировались автономные республики, области. Одновременно война высветила и негативы государственной политики в сфере национальных отношений, показала, что в обществе было далеко не все гладко, как это длительное время представлялось официальной государственной пропагандой. В законах РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» и «О жертвах политических репрессий» (1991 г.) дана критическая оценка этим акциям в отношении народов и определены меры по их реабилитации.

Раны, нанесенные народам, не могли быть ими забыты. Долгие годы потребовались для исправления допущенных крупных ошибок в национальной политике в период Великой Отечественной войны. Они и ныне еще сказываются.

Список литературы

1. Иосиф Сталин – Лаврентию Берию: «Их надо депортировать...». М., 1992.
2. Материалы к серии «Народы и культуры». Вып. XII // Депортация народов в СССР (1930–1950-е годы). Ч. 1. М., 1992.
3. Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитациях жертв политических репрессий. М., 1993.
4. Репрессированные народы России: Чеченцы и ингуши. М., 1994.

5. Бугай Н.Ф. Л. Берия - И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...». М., 1995.
6. Бугай Н.Ф. К вопросу о депортации народов в 30-40-е годы // История СССР. 1989. № 6.
7. Бугай Н.Ф., Гонов А.М. Кавказ: Народы в эшелонах: 20–60-е годы. М., 1998.
8. Дизендорф В. Прощальный взлет. М., 1997.
9. Курашвили Б.Н. Политическая доктрина Сталина // История СССР. 1989. № 5.
10. Репрессированные народы Советского Союза: Наследие сталинских депортаций: Отчет Хельсинкской группы по правам человека. Сентябрь, 1991. М., 1991.
11. Чомаев К. Наказанный народ. Черкесск, 1993.
12. У истоков правда одна // Грозненский рабочий. 1989. 2 февраля.
13. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 925.
14. ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 2.
15. С.И. Албогачиев возглавлял наркомат внутренних дел Чечено-Ингушской АССР. Приказом НКВД от 14 апреля 1944 г. НКВД Республики был расформирован и создано управление НКВД по Грозненской области. Албогачиев с сентября 1943 г. находился в резерве как руководитель, не оправдавший доверие Центра, через некоторое время он обратился к Берии с просьбой «использовать его на самом остром участке, где работа была бы видна народному комиссару (Берии. – Л.Д.)». На письме имеется виза Сталина: «тов. Берии. - И.» (ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 1. Д. 2181. Л. 4).
16. ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 41.
17. ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 182.
18. Национальный архив Республики Ичкерия (Чечни). Ф. 1. Оп. 1. Д. 1693.
19. ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 64.
20. Социалистическая Осетия. 1988. 1 июля.
21. ГАРФ. ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 55.
22. ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 436.
23. ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 1. Д. 2201.
24. Грозненский рабочий. 1989. 4 февраля; Советская культура. 1989. 26 января.
25. ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 170.
26. ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 1. Д. 2064.
27. Выступление на Балкарском форуме. Нальчик. 1991. 4-8 марта.
28. Бугай Н.Ф., Гонов А.М. В Казахстан и Киргизию из Приэльбрусья... (20–50-е годы). Нальчик. 1997.
29. ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 721.

Дьяченко Лидия Николаевна, канд. ист. наук, руководитель Представительства Россотрудничества в Киргизии, dlida09@mail.ru, Киргизская Республика, Бишкек, Представительство Россотрудничества

DEPORTATION OF THE PEOPLES OF THE NORTH CAUCASUS IN PERIOD OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

L.N. Diyachenko

Article is devoted to problems of violent deportation of the peoples of the North Caucasus. On the basis of archival documents, which chronologically belong to 1943-1944, author research the reasons, a course and consequences of mass repressions, which were an element of a complex of compulsory and repressive measures of the Soviet management.

Key words: the deported people, specialimmigrants, special contingent, anti-Soviet elements.

Diyachenko Lydia Nikolaevna, candidate of historical sciences, the head of Representation of Rossotrudnichestvo in Kyrgyzstan, dlida09@mail.ru, Kyrgyz Republic, Bishkek, Rossotrudnichestvo Representation